

УДК 008(091)

Режабек Е.Я.

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ – НЕОБХОДИМЫЙ КОМПОНЕНТ КУЛЬТУРЫ

Аннотация. Анализируется история культурологического знания от его зарождения до современности. Это знание понимается как императивное составляющее культуры, указывающее на востребованность моделей культурного поведения в соответствующую эпоху. Анализ подчинен выявлению успешности применения достижений культуры.

Ключевые слова: культурологическое знание, мифопоэтические модели культуры, рациональные модели, практические модели, духовные традиции, инновации, дисциплинарное культурологическое знание

В современной гуманитаристике сложилась концепция культуры, в которой она рассматривается как выработанная коллективным сознанием и коллективным опытом система моделей поведения, усваиваемая индивидом для того чтобы особь *homo sapiens sapiens* могла превратиться в человека. Все, что относится к культуре, должно пройти через сознание индивида, быть «впитано» им через инкультурацию то ли в семье, то ли в практике жизни. Таков современный когнитивный подход к культуре. Источником культурных моделей служат некоторые коллективные представления, или когнитивные значения, которые приписываются человеком тем или иным явлениям мира. Поэтому М.Коул определяет культуру как процесс познания, «протекающий одновременно как внутри, так и вне человеческой психики» [1].

Такое понимание сложилось внутри одного из направлений когнитивной науки – когнитивной антропологии. Именно в рамках когнитивной антропологии культура понимается как идеализированная когнитивная система – система знаний, верований, ценностей, которая существует в умах индивидуальных членов общества [2]. Эти взгляды разрабатываются целым рядом авторов. Согласно М.Спиро, человеческая психика оказывается «распределенной» в

моделях культуры [3]. По мнению исследователя, общие биологические, социальные и культурные черты составляют систему констант, которые в своем взаимодействии предполагают универсальную человеческую природу[4]. Аналогичные взгляды разрабатывает Р. Д'Андрад. В частности, он считает, что человек может создавать сообщения и значения, которые потом влияют на него самого и могут привести к изменению его собственных значимых систем, но лишь в некоторых культурно ограниченных рамках. Мы не можем не признать, утверждает Д'Андрад, что «все важные человеческие феномены являются в своей основе значимыми системами».

Изменчивость и несхожесть значимых систем, которыми руководствуются разные группы людей, зависят от содержания задач, которые они должны решать. В любом случае посредством значимых систем люди адаптируются к окружению и структурируют межличностную деятельность. В процессе взаимодействия значение из субъективного факта преобразуется в интересубъективную реальность. С этой точки зрения «социальная структура является одним из аспектов организации культуры – достижение упорядоченности индивидов посредством значений» [5]. В соответствии с концепцией Р. Д'Андраса, ставшие достоянием коллектива значения обладают кроме репрезентативных, еще конструирующими, директивными и эвокативными функциями. Теряя актуальность, значимые системы перестают быть предметом межличностной коммуникации, появляются новые значимые системы и занимают место выбывших.

В силу указанного обстоятельства некоторые черты культуры, переставшие быть субъективно значимыми, отмирают. Культурные значения функционируют лишь как ячейки некоторой системы. Любая культура стратифицирована условиями ее возникновения. Культурные значения сплетаются между собой в процессе совместной человеческой деятельности, вместе с тем не существует ничего полностью разделяемого всеми членами общества. В силу разнообразия деятельности людей культура того или иного социума никогда не достигает монолитности. В такой ситуации возникает вопрос о *разрядах* культурных значений, объединяемых в гетерогенную систему.

Иерархия моделей поведения, структурная организация моделей (образцов) поведения, подлежащих усвоению представителем того или иного социума, с большой полнотой была проанализирована В.С.Степиным. При рассмотрении культуры как способа регуляции деятельности на первое место исследователь выдвигает мировоззренческие универсалии, в содержании которых «сплавлены общечеловеческие и исторически особенные интерпретации жизненных смыслов, которые определяют национально-этнические особенности каждой культуры принятую в них шкалу ценностей. В свою очередь этот сплав конкретизируется в многообразии групповых и индивидуальных мировосприятий и миропереживаний» [6]. Культурные программы настоящего и культурные программы, адресованные будущему, были проанализированы в ряде работ когнитивной направленности ростовских авторов [7].

В представляемой нами теории культура включает не только образцы поведения, необходимые человеку, чтобы стать человеком, но одновременно и *рефлексию о значимости* этих образцов для успеха в жизни, а отсюда следует, что она включает и элементы культурологического знания. Это знание не обязательно должно быть сознательным, оно может быть и подсознательным, инстинктивным. Однако культурологическое знание набирает силу именно тогда, когда оно становится осознанным, включается в некоторую обучающую систему, выработанную обществом. Иначе говоря, культурологическое знание распространяется и передается от поколения к поколению и от поколения к индивиду посредством определенных институциональных средств. На протяжении тысячелетий жизни рядового человека таким средством распространения и трансляции культурологического знания была мифология.

Будучи продуктом коллективного сознания и коллективного опыта, модели поведения приобретают надиндивидуальный характер и, следовательно, должны быть экстернализованы, *впечатаны* в опыт индивида, в его культурный багаж. В обществе этот процесс никогда не был пущен на самотек, отдан на произвол случая. Он всегда был подчинен интересам и целям социума. Процесс должен был стать управляемым, и он становился управляемым. Способом управления процессом инкультурации индивида было культурологическое знание: знание о том, какие культурологические навыки нужны человеку, чтобы выжить.

Во все времена коллективное сознание искало ответ на главный культурологический вопрос: как культура влияет на жизнь человека? Модели поведения, которые относились к культуре, были разными, но их человекообразующая функция признавалась во все эпохи, все времена. Культурологическое знание начиналось с решения практических задач – задач транслирования и распространения культурных навыков и образцов поведения. Не сами образцы, а *обучение на образцах* (регулятивная подсистема культуры) составляло предназначение культурологического знания. Это была система индивидуального вочеловечивания культурных предписаний. Во все времена культура, а значит и культурологическое знание, была средством укрощения полярных эмоций, животных порывов, дестабилизирующих психику как отдельного человека, так и ментального содержания группового сознания. Культура была и остается главным и единственным средством упорядочивания сознания общественного человека.

В архаическом обществе культурологическое знание было прецедентным. Первые прецеденты создавались культурными героями, чьи деяния сакрализировались. В силу сакрализации культурных героев – сначала первопредков, а затем божеств – передача образца в прецедентной культуре носила *заповедный* характер. По причине сакрализации описание культурного образца и следование образцу приобретало императивный, *нерушимый* характер. Культурное действие было заповедно к неукоснительному выполнению тотемом, первопредком, божественным покровителем рода. И тотем, и культурный герой были демиургами культуры: они задавали модель поведения, подлежащую тиражированию от поколения к поколению с неукоснительной тщательностью. Тем самым культурной модели придавалась наивысшая ценность, которая

только доступна человеку и его сознанию. Прецедентный статус культуры был неотделим от рецептурно-императивного характера культурологического знания.

У папуасов Новой Гвинеи в мифе «Происхождение людей масингара» рассказывается о культурной героине Уа-огрере. Она – великая «мать-первопредок», «первая» женщина, великая охотница. Согласно мифу, мать дала людям еду, осуществила разделение полов, закрепив за каждым его обязанности и атрибуты (первое по времени умение мужчин – изготовление лука и стрел, женщин – травяных юбок). Уа-огрере устанавливает парную семью, основывающуюся на взаимном праве выбора, научает людей жить в семейных домах. Она установила торжественную церемонию в честь тотемного предка – кенгуру – и ввела обряд инициации, а затем объявила о запрете на мясо кенгуру [8].

Вот как передает самопереживание человека того времени Л.Леви-Брюль. Когда предводитель рыбацкой флотилии на Новой Гвинее выходит в море, он персонифицирует мифического героя Аори. «На нем одежда, в какую согласно мифу, был одет Аори, у него так же зачернено лицо, а в волосах – love, подобное тому, которое Аори снял с головы Ивири. Он танцует на платформе и разводит в стороны руки, как Аори раскидывал свои крылья. <...> Один рыбак сказал мне, что отправляясь стрелять рыбу (из своего лука), он представлял себя самим Кивавиа. Он не молил о благосклонности и помощи этого мифического героя: он отождествлял себя с ним» [9].

Примерно за пять тысяч лет до нашей эры возникает индоевропейское общество. Индоевропейцы продвигались на колесницах, разводили скот, занимались земледелием. Постепенно в этом обществе происходит профессиональное разделение его членов на земледельцев и воинов-аристократов. И земледельца и воина-управленца нужно было обучать профессиональному поведению, необходимо было подражать герою, олицетворявшему соответствующую профессию. В эту эпоху именно миф воспитывал культурные навыки, передавал культурные формы поведения от поколения к поколению. Миф необходимо было претворить в жизнь, иначе он утрачивал свою культуросозидающую функцию. Представитель соответствующего страта жил с героем и жил в герое. Для включения в социальную структуру он должен был слиться с образцовой моделью поведения. Земледелец должен знать, как меняются сезоны года, как нужно себя вести в тот или другой сезон, как следует производить сев и уборку урожая, ухаживать за скотом, приручать и использовать лошадь. У воина-аристократа был свой кодекс чести. Аристократу предписывалось быть ратоборцем и драконоборцем, т.е. он должен был истреблять чудовищ, уничтожать диких зверей и защищать свое общество от врагов, от агрессии воинственных соседей.

В Древней Греции Геракл прославился тем, что совершил двенадцать подвигов и стал общепелопонесским героем. Он охотится на льва, оленя, кабана, водяную птицу. В ирландской мифологической традиции Кухулин охотится на оленя и лебедей, а после «раздвоения» на куницу и мелких птиц. Гунтар и Хаген в «Сказании о Нибелунгах» организуют охоту на льва. В Малой Азии Гильгамеш создает древнейший культурный центр Двуречья – город Урук, строит храм и

крепость, материал для возведения которых он отнимает у чудовища Хумбабы – хранителя кедрового леса. Он же убивает исполинскую птицу Анзуда и волшебную змею. Вот как описывает церемонию возведения на престол у ведийских ариев крупнейший знаток индоевропейского эпоса Ж. Дюмезиль: Раджасуйя – есть «всего лишь земное воспроизведение древнего обряда, с помощью которого возвел себя на престол Варуна, первый Властелин; и это бесконечно повторяется брахманами. <...> В продолжении всех ритуальных пояснений надоедливо и назидательно повторяется, что если царь делает тот или иной жест, то это потому, что на заре времен в день своего восшествия на престол Варуна сделал такой жест» [10].

С распространением религиозных верований ответственным за тот или иной вид профессиональной деятельности становится божество. Так, в Древней Греции покровителем царей стал Зевс, воинов – Марс, земледельцев – Деметра, за которой были «закреплены» аграрные предписания. С поклонением Деметре были связаны сельскохозяйственные праздники, в ее честь приносились жертвы. Все ее «повеления» носили заповедный характер. В «Илиаде» Гомер прямо пишет о Деметре как «помощнице в крестьянских трудах» [11]. К ней взывают, чтобы зерна вышли полновесными, чтобы удалась пахота [12]. Деметра выступает как *карлофера* – «дарительница плодов». Согласно мифу, она научила людей пахоте и посеву. Она подарила герою Триптолему зерна пшеницы. Разъезжая по всему свету, он засеял землю и обучил этому людей. На итальянской и римской почве те же функции выполняла *Terre Mater* – «Мать-Земля» и Церера. Это были божества производительных сил земли. Церере были посвящены праздники жатвы и зимнего посева. В силу связи с плодоношением Земли Церера была богиней материнства и брака.

В Риме неукоснительно выполнялся культ двенадцати богов, ведавших отдельными этапами работ хлебопашца, о чем пишет Вергилий в «Георгиках». Вместе с тем уже в архаический период складываются сугубо рационалистические представления о ведении хозяйства. В поэмах Гомера и Гесиода фигурируют плуг с железным лемехом, железный серп, топор и лопата – типичные орудия труда греческого крестьянина. В «Одиссее» мы находим такой пассаж: «Если кузнец топор или большую секиру / Сунет в холодную воду, они же шипят, закаляясь/ и от холодной воды становится крепче железо» [13]. Судя по поэмам Гомера, хозяин ойкоса и его домочадцы могли изготовить одежду, обувь, мебель, построить дом. В гомеровской Греции уже были мастера по дереву и строители-профессионалы. В строительном деле использовались отвес, линейка, циркуль и т.п. [14]. В гомеровских поэмах прокламируется меновой характер торговли [15].

На следующем этапе архаики купля-продажа земли в Ионии стала такой же нормой, как в Беотии Гесиода. На конец IX – начало VIII в. до н.э. приходится налаженный экономический обмен между Эгеидой и Ближним Востоком. С укреплением товарно-денежных отношений были востребованы рациональные способы мышления, активно пропагандируемые Гесиодом. Поэма «Труды и дни» – это по существу культурологическое произведение нового типа. В поэме фигурируют двухразовая вспашка, воловья упряжка, использование наемных работников [16].

По характеристике Гесиода, сметливый и расчетливый греческий крестьянин любит во всем «порядок и точность» [17]. Востребованная жизнью рациональность требовала точных сведений о ночном небе, о смене времен года, о суточных циклах. Время жатвы связывалось с появлением на ночном небе Плеяд, а время посева – с их исчезновением. На соответствующие феномены указывает Гесиод в стихе 383.

А вот совет для задумавшего морское путешествие:
Вот пятьдесят уже минуло дней после солнцеворота
И наступает конец многотрудному знойному лету.
Самое здесь то и время для плавания:
ни корабля ты не разобьешь, ни людей не поглотит
пучина морская...
Море тогда безопасно, а воздух прозрачен и ясен.
Ветру доверив без страха теперь свой корабль быстроходный,
в море спускай и товаром его нагружай всевозможным
Но воротиться обратно старайся как можно скорее,
Не дожидаясь вина молодого и ливней осенних,
И наступленья зимы [18].

В VIII в. до н.э. разворачивается строительство ионийских каменных храмов Геры на Самосе, Афины в Милете. Торговые отношения ионийцев с государствами Востока становятся постоянными с IX в. до н.э. Торговые экспедиции захватывают юго-восточные побережье Черноморья и восточное Средиземноморье. В конце архаического периода были сделаны важнейшие технологические изобретения в металлургии и кораблестроения. Хиос и Самос становятся известны как центры металлообработки. С VII в. до н.э. ионийцы (фокейцы и самосцы) пользуются пятидесятивесельными кораблями. В этот же период усиливается товарность ионийского ремесла. Все большее распространение получают рационалистические объяснения успешного ведения хозяйства. Радикальный рывок в рационалистическом понимании мира происходит в VI в. до н.э.

При тирании Поликрата на Самосе были построены храм Геры, водопровод и гавань, которые были самыми большими инженерными сооружениями в Элладе. Водопровод был помещен в пробитом сквозь гору тоннеле длиной в 124,3 м, высота и ширина тоннеля составляла 2,5 м. Под тоннелем был прорыт канал, через который в город по трубам шла вода из горного источника. Вокруг самосской гавани была возведена дамба высотой примерно 35,6 м и около 355 м в длину. При дворе Поликрата жили Анакреон, Ивик, Демокед и Пифагор. На первую половину VI в. до н.э. помимо храма Геры на Самосе приходится строительство гигантских храмов Артемиды в Эфесе и Аполлона Филесия в Дидимах. Архитекторы этих сооружений смогли не только применить математические и технологические достижения Египта и Ближнего Востока, но и сказать принципиально новое слово в греческой архитектурной теории [19].

Подъем архаической культуры нашел свое выражение в создании алфавита, лирической поэзии, в первых успехах философии и историографии, неотделимых от укрепления рационалистических начал в понимании повседневной жизни, полисных отношений и природного бытия [20].

Под напором рационалистических начал мифологическое сознание утрачивает свои лидирующие позиции в греческой культуре. В архаическую эпоху рождается натурфилософия. Ее становление определяло революционный переход от Мифа к Логосу: от одной традиции индуцирования и распространения культуры к принципиально новому способу ее трансляции путем рационального описания и аргументирующего дискурса. Идея предзаданности всего сущего, включая действия каждого человека, вытеснялась идеей утилитарной целесообразности и естественной необходимости. На смену мифологически санкционированному раз и навсегда увековеченному порядку приходит императив успеха. Идея заповедности культурных моделей уступает место идее практической целесообразности. Прецедентный способ индуцирования и практического воплощения культурологического знания оттесняется распространением рациональных моделей. Оно *обосновывается* объяснительным, каузально-доказательным способом. К культурологическому знанию относятся качественно новые модели поведения – не только сакральные, но и профанные, относящиеся к повседневной жизни. Возникает новый тип культурологического знания: историографические работы посвящаются описанию и манифестации культурных достижений, сложившихся еще на мифологической почве, но обретающих новую несакрализуемую жизнь.

На V в. до н.э. приходится деятельность древнегреческого историка и географа Гекатея Милетского, ему принадлежит фундаментальный труд «Путешествия по миру» (где Средиземное море находится в центре мира) или «Землеописание». В этом сочинении материал распределен топографически: страны и города в Европе, Азии и Африке следуют одни за другими, с замечаниями о жителях, реках и разного рода достопримечательностях. Гекатей был учеником Протагора и первым обнародовал историю в прозе. Второй его труд «Генеалогии» посвящен генеалогиям известнейших родов Древней Греции и также имеет культурологическую направленность. Гекатею принадлежат попытки рационального толкования народных сказаний и географических терминов. В своем сочинении Геродот передал один из фрагментов Гекатея об изгнании пеласгов из Аттики.

Из истории мы знаем, что Протагор был близок к Периклу и Еврипиду. Есть свидетельства о занятиях Протагора грамматикой, риторикой и художественным воспитанием [21]. Широкую известность приобрел тезис, характеризующий его религиозный релятивизм: «О богах я не могу знать ни того, что они существуют, ни того, что их нет, ни того, каковы они по виду. Ибо много препятствует знать это: и неясность вопроса и краткость человеческой жизни» [22].

Религиозный релятивизм был присущ и Еврипиду. В известной поэме «Вакханки» он смело обличает «деяния» Диониса. Еврипиду принадлежит вывод о приниженности греческих женщин, для которых дионисийские оргии служили своеобразной социальной отдушиной: «от станков их

отбил Дионис»[23], «дома, детей фиванки побросали» (210). Греческий поэт указывает на алкогольную эйфорию: «Помимо вина от страданий верней лекарства нет» (280). Здесь же Еврипид описывает агрессивность и сексуальную раскрепощенность вакханок [24]. Он выявил роль ритмичных, однообразных, повторяющихся движений в генезисе экстатических состояний сознания. По Еврипиду, «звонкая кожа тимпанов и барабанов» сводила вакханок с ума. К тем же результатам приводило употребление в пищу галлюциногенного плюща и курение «благовонных смол». Поэт описывает горные танцы *орибасии* – кульминацией оргиастического культа становились акты *спарагмоса* и *омофагии*. В «Вакханках» разрывают быков (743), раздирают на части и съедают козленка (138), с воплями «Вакх Эвое» дионисийские менады упивались кровью растерзанных диких зверей, в трансе одержимости высекали из земли своими тирсами мед и молоко, вырывали с корнем деревья и увлекали за собой толпы женщин и мужчин (135–167, 680–770).

Во все времена философская рефлексия была *высшим, интегративным* ярусом культурологической рефлексии. Вот почему философия и культурологическое знание никогда не противостояли друг другу. Философские, мировоззренческие категории – это особый разряд культурологических категорий. Культурологические наблюдения над языком отличали Демокрита. Нравственное значение экстатических состояний сознания интересовало Платона. Модели культурного поведения всегда находились в центре внимания философов. Платон изучал примитивизацию сознания в дионисийском культе и культе корибанов. Он отмечал, что дикое и звероподобное начало души под влиянием сытости и хмеля, вздымается на дыбы и «ищет как бы удовлетворить свой норов» [25]. Оно вызывается к жизни «какой-то травмой души» [26]. Специальное рассмотрение обрядов очищения и очистительных жертв мы находим в «Кратиле».

К рубежу нашей эры корпус культурологических исследований обогащается рядом выдающихся сочинений. Ко II в. до н.э. относятся произведения Аполлодора Афинского. Среди последних выделяются сочинение о богах, комментарий к гомеровскому списку кораблей, комментарий к комикам Епихарму и Софрону, сочинение по этимологии. Большое значение имеет сочинение Аполлодора по мифологии в трех книгах «Библиотека». Здесь мы находим расположенный по родословным древам («кто от кого произошел») пересказ мифов древнего мира. По повелению Петра Великого сочинение Аполлодора было переведено на русский язык А. Барсовым и издано в 1725 г. с предисловием Феофана Прокоповича. Хорошо отредактированную версию «Библиотеки» издал Генрих Гейне в 1803 г. (Геттинген) [27].

На I в. до н.э. приходится творчество знаменитого римского философа и блестящего оратора Марка Туллия Цицерона. От той эпохи до нас дошло девятнадцать его трактатов по риторике, политике и философии, по которым учились многие поколения гуманитариев. К философским трактатам Цицерона относятся произведения: «О природе богов», «О дивинации», «О судьбе». Все они посвящены культурологическим проблемам и решают задачи культур-антропологического воспитания. К этим трактатам примыкает сочинение «О пределах блага и зла. Парадоксы стоиков». Работы Цицерона оказали сильное влияние на Св. Августина, на представителей

Возрождения и гуманизма (Петрарка, Эразм Роттердамский, Боккаччо), на французских просветителей (Дидро, Вольтер, Руссо, Монтескье) и многих других [28]. Заметим, что сам термин «культура» был введен в гуманитаристику Цицероном. Под культурой он понимал способ «возделывания» души человека, развития его интеллекта.

Античность стала базовой моделью европейской культуры. В европейской культуре в целом на смену мифологическому конструированию приходят рациональные объяснения. На ту же последовательность указывает история российской культуры.

В Древней Руси земледельческим богом неба и земли, богом плодородия был Род. Его местопребывание – на небе; он распоряжается дождем и молнией, с ним связаны источники воды на земле – *родники* и подземный огонь (*родство огненное*). Род вдует жизнь во все живое, отсюда целый ряд представлений, связанных с жизнью в самом широком смысле: *природа, народ, род людской*, глагол «родить», «*рождать*», производное – *урожай*. Богом богатства и изобилия был «скотий бог» – Волос или Велес. Он был *земным* божеством плодородия, мужским дополнением к культу плодоносящего начала «Матери сырой земли» (Макоши). В дар Велесу оставалась несжатая полоска – Велесова борода. Индоевропейский бог Сварог был богом неба, он установил брачные обычаи и научил использовать металл. Покровителем русских дружинников был бог грозы и войны Перун.

Христианская церковь стремилась заглушить и оттеснить общенародное язычество, ставя храмы на месте капищ и заменяя календарь языческих праздников христианскими, выдвигая на первое место те, которые были близки по своим срокам к старым языческим молениям. В XI в. христианство возобладало в русских городах; языческие трупосожжения прекратились, были построены церкви, возникли монастыри. Но горожане еще насыпали курганы, хранили память о святых рощах, праздновали русалии, Ивана Купала (19–24 июня), день бога-громовика (20 июля) и др. 3 февраля на Руси праздновался Святой Власий, который контаминировал с Велесом. День Власия как праздник скотоводства отмечался вплоть до начала XX в. Чтобы благополучными и обильными были всходы злаков на полях, нужно было разбрасывать по полю клочки антропоморфного воплощения растительных сил земли вместе со всеми атрибутами его погребения [29].

Русской культуре была присуща сельскохозяйственная трактовка календарных праздников [30]. День Ивана Купала в народном мировоззрении был соединен с периодом достижения земель расцвета растительных сил и характеризовался разнообразными проявлениями культа растений. Календарь сельскохозяйственных работ связывался со святыми. Предписания тех или иных действий приурочивались к дням Устина (1 июня), Лукиана (3 июня), Федора (8 июня) и т.д.

К культурологическому корпусу знания относились многочисленные пословицы и поговорки. «Пришел второй Спас (6 августа) – настал всему час», «Успенье провожай и осень встречай», «На всякое семя – свое время», «Самим богом положено, чтобы сеял мужик» (а не баба). Каждый крестьянин с детских лет слышал пословицы, поговорки, загадки, приметы, воспринимавшиеся

как непреложная истина, освященная мудростью поколений [31]. У крестьян-сибиряков существовал заговор: «Отпускаю скотиночку, золотую шерстиночку в чисто поле, в широко раздолье. Мужичок бы не видал, волчок бы не видал, ни разбойничек. Спасает ее, сохраняет ее матушка Пресвята Богородица, идет провожатым. Спаси ее, мою скотину, сохрани ее не на год, не на два, а на век векущий. Как матушка-печка стоит, никуда не отходит от дому, так бы и моя скотина никуда от меня не отходила»[32].

С XVIII в. на смену наивно натуралистическому взгляду на мир приходят рационалистические подходы и научные объяснения, создаются обобщающие труды этнографического и культурологического характера. В 1773–1778 гг. по повелению Императорской Санкт-Петербургской академии опубликовано «Путешествие по разным местам Российского государства» Петера Симона Палласа – петербургского и берлинского академика, профессора «натуральной истории». К 1786 г. относится работа М.О.Чулкова «Абевега русских суеверий».

В XIX в. различные аспекты культурологического знания были представлены в трудах российских историков, этнографов, бытописателей. В 1837 г. в Университетской типографии Москвы публикуется многотомное исследование известного русского этнографа и фольклориста И.М.Снегирева «Русские простонародные праздники и суеверные обряды».

В 1848 г. преподаватель Московского университета, археолог и этнограф А.В.Терещенко публикует фундаментальный труд «Быт русского народа», основанный на богатом и в значительной степени достоверном историческом и этнографическом материале. В связи с крайне интересной тематикой книги (особенности национального характера и быта, обряды и поверья, связанные с годовыми хозяйственными и церковными циклами) она была полностью распродана и в комплектном состоянии до наших дней не сохранилась.

А.В.Терещенко положил начало новому направлению научных исследований: изучению российской истории как истории народа (а не государства), вниманию к бытовой стороне народной жизни, к ее представленности в народном сознании или, как теперь принято говорить, к *народной ментальности*. Это направление получило развитие в целой серии публикаций и нашло свое отражение в литературных журналах.

В 1834–1965 гг. в Санкт-Петербурге выходит первый в России многотиражный ежемесячный журнал «Библиотека для чтения». Редактором издания стал профессор Санкт-Петербургского университета О.И.Сенковский, затем его сменили А.В.Дружинин и А.Ф.Писемский. В подзаголовке значилось, что это «Журнал словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод». Объем издания составлял 25–30 печатных листов. Во второй год издания у журнала насчитывалось пять тысяч подписчиков.

Одновременно с «Библиотекой для чтения» в Санкт-Петербурге выходят «Отечественные записки» (1818–1884). Издатель-редактор журнала А.А.Краевский с 1839 г. преобразовал его в учено-литературный. Издание представляло статьи по истории, географии, а также посвященные

быту и нравам России. К участию в журнале были привлечены А.С.Хомяков, С.Т.Аксаков, М.Ю.Лермонтов, В.А.Соллогуб, И.И.Панаев, Ф.Ф.Корф и др. С осени 1839 г. до весны 1846 г. критическим отделом издания руководил В.Г.Белинский, который привлек к работе В.П.Боткина, М.Бакунина, Г.Н.Грановского. Позднее в издании принимали участие Н.П.Огарев, А.И.Герцен, Н.А.Некрасов, И.С.Тургенев. Соперником журнала стал «Современник» Некрасова и Панаева, туда же перешел и А.И.Герцен. В 1868 г. Краевский передал «Отечественные записки» Н.А.Некрасову. К руководству журналом был привлечен М.Е.Салтыков-Щедрин, который после смерти Некрасова стал руководителем «Отечественных записок». В журнале принимали участие Г.И.Успенский, Ф.М.Решетников, А.Н.Островский, Д.И.Писарев. Тираж издания вырос до шестисемью тысяч экземпляров. В журнале дебютировал В.М. Гаршин. Здесь печатались поэты А.Н.Плещеев, С.Я.Надсон, П.Ф.Якубович. В 1880–1882 г. Н.И.Зибер, один из первых популяризаторов и защитников экономического учения Карла Маркса в России, опубликовал в журнале восемь статей под общим названием «Экономические эскизы». Профессор, затем академик И.И.Янжун в № 2 за 1880 г. опубликовал статью «Детский и женский фабричный труд в Англии и России».

Во второй половине XIX в. в России выходили специальные издания, посвященные культурологически-этнографической проблематике [33]. Значительный прирост культурологических и историко-бытовых исследований и соответствующих публикаций произошел в XX в.

Культурологически-этнографическое направление в науке получило широкое распространение. В советский период выходят из печати обобщающие труды, созданные с позиций материалистического рационализма. С началом XX в. в специальную область исследований выделяются произведения, посвященные культуре труда, его оснащению и организации, проблемам приобщения к трудовым навыкам, задачам распространения среди населения новых моделей трудовой деятельности [34]. В XX в. не остаются без внимания уже известные модели инкультурации. В сфере устойчивого научного интереса остаются традиции и способы инноваций в духовной культуре [35].

Обобщение достижений культурологического знания привело к возникновению особой научной дисциплины и ее учебного варианта, только нужно иметь в виду, что учебники и учебные пособия, издаваемые под грифом «Культурология», отнюдь не исчерпывают даже малой части культурологического знания, отрефлектированного обществом [36].

Для большого коллектива российских культурологов очевидно, что только культурология как научная дисциплина может предложить продуманную, апробированную и рационально обоснованную программу усвоения обществом подлинных достижений культуры. Для самого общества этот императив имеет принципиальное значение как неотложная перспектива его собственного развития. Отказ от культурологии, умаление, дискриминация культурологических составляющих культуры равносильны тому, что самую культуру мы оставляем «без руля и без

ветрил». Культурологическому знанию необходима государственная поддержка. Об этом свидетельствует такой малоприятный факт: по данным ВЦИОМ 50 млн россиян верят, что *Солнце вращается вокруг Земли*. Иначе говоря, половина самостоятельно рассуждающих россиян в научном плане находятся на уровне птоломеевской системы мира, которая впервые была опровергнута Коперником в 1543 г. И как при таком уровне массовой инкультурации строить инновационную экономику, входить в знаниевое преобразование общественных порядков?

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Коул М. Культурно-историческая психология. М., 1997. С. 154.

[2] D'Andrade R.G. Cultural Meaning Systems. Cultural Theory: Essays on Mind, Self and Emotion. L.; N.Y., 1984.

[3] Spiro M. Culture and human nature: Theoretical Papers of Melford E. Spiro. Chicago; L., 1987. P. 154.

[4] Ibid.

[5] D'Andrade R.G. Op. cit. P. 110.

[6] Степин В.С. Культурология как наука: за и против: [выступление на круглом столе] // Вопр. философии. 2008. № 11. С. 30.

[7] Когнитивные исследования на современном этапе: материалы Первой международной научной конференции 25–30 марта 1910 г., Ростов-на-Дону. Ростов н/Д, 2010; Режабек Е.Я. Концепция культуры в школе Л.С. Выготского // Личность. Культура. Общество. М., 2009. Т. XI. Вып. 4 (51–52); Режабек Е.Я., Филатова А.А. Когнитивная культура. СПб., 2010; Филатова А.А. Когнитивные формы культуры. Ростов н/Д, 2009.

[8] Путилов Б.Н. Миф – обряд – песня Новой Гвинеи. М., 1980.

[9] Levi-Brule L. La Mythologie primitive. Paris, 1935. P. 162.

[10] Dumezil G. Ouranos – Varuna. Paris, 1934.

[11] Гомер. Илиада. V, 499–501.

[12] Там же. V, 465–468.

[13] Гомер. Одиссея. IX, 391–394.

- [14] *Лаптева М.Ю.* У истоков древнегреческой цивилизации. Иония XI–VI вв. до н.э. СПб., 2009.
- [15] *Гомер.* Илиада. VI, 235–236; *Гомер.* Одиссея. I, 425–427; Там же. XXIII, 703–705.
- [16] *Гесиод.* Труды и дни. 405–413.
- [17] Там же. 41.
- [18] *Гесиод.* Теогония. 663–676.
- [19] *Isik F.* Zuden Anfängen ionischer Architektur // Neue Forschungen zu Ionen: Festschrift zum 60. Geburtstag gewidmet. Bonn. 2005. S. 21–41.
- [20] *Лаптева М.Ю.* Указ. соч.
- [21] Die Fragmente der Vorsokratiker, V.H. Diels. III Auflage. 1912. A 25–29; B10–12.
- [22] Ibid. B 4.
- [23] *Еврипид.* Вакханки. 110.
- [24] Там же. 740, 1120–1130.
- [25] *Платон.* Государство. М., 2005. IX, 571 C–d.
- [26] Там же. 227D – 228 e.
- [27] URL: <http://ancientrome.ru/antlifr/appollodor/index.htm> (дата обращения 10.05.2011).
- [28] Переводы Цицерона на русский язык см. на сайте «История Древнего Рима». URL: <http://ancientrome.ru/antlitr/cicero/index.htm> (дата обращения 10.05.2011).
- [29] *Рыбаков Б.А.* Древние элементы в русском народном творчестве // Сов. этнография. 1948. № 1.
- [30] *Пропп В.Я.* Русские аграрные праздники. Л., 1963.
- [31] *Ермолов А.С.* Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах: в 4 т. СПб., 1901–1905.
- [32] Этнографические очерки Южной Сибири // Библиотека для чтения. СПб., 1848. Т. 90.
- [33] *Буняков Н.* О домашних школах грамотности в народе. (По материалам, собранным Санкт-Петербургским комитетом грамотности) // Русский начальный учитель. СПб, 1885; *Ефименко А. Я.*

Исследование народной жизни. М., 1884; *Пругавин А.С.* Запросы народа и обязанности интеллигенции в области умственного развития и просвещения. М., 1890; *Соловьев П.А.* Историческое обозрение Сибири. СПб.

[34] *Громыко М.М.* Мир русской деревни. М., 1991; *Зеленин Д.К.* Русская соха, ее история и виды: очерк из истории русской земледельческой культуры. Вятка, 1907; *Платонов О.А.* Русский труд. М., 1991; *Рожков Н.А.* Очерк истории труда в России. М.; Л. 1924; *Скалозубов Н.Л.* Народный календарь. Поверья, приметы о погоде и сроки сельскохозяйственных работ у крестьян Тобольской губернии // Ежегодник Тобольского губернского музея. 1898. Вып. IX; 1901–1902. Вып. XI; *Шунков В.И.* Очерки по истории земледелия Сибири. XVIII в. М., 1956.

[35] *Блок А. А.* Поэзия заговоров и заклинаний // История русской литературы. М., 1908. Т. 1. Народная словесность; *Костомаров Н.И.* Очерк домашней жизни и нравов великого русского народа в XVI и XVII столетиях. М., 1992; *Курмачева М.Д.* Крепостная интеллигенция России. Вторая половина XXIII – начало XIX века. М., 1983; *Смирнов А.П.* Что читают в деревне? // Русская мысль. 1907. № 7; *Соколова В.Р.* Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев, белорусов XIX – начала XX в. М., 1979; *Соколова Г.А.* Народные верования и христианский календарь // Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР. Л., 1970; *Токарев С.А.* Религиозные верования восточнославянских народов XIX – начала XX вв. М.; Л., 1957.

[36] История культуры Древней Руси: в 2 т. М.; Л., 1951; Очерки русской культуры XVIII в. М., 1985. Ч. 1; *Ржица В.Ф.* Очерки по истории быта домонгольской Руси. М., 1929; *Савельев В.В.* Прикладная культурология: генезис, концепция, современная практика. М., 1992.

© Режабек Е.Я., 2011

Статья поступила в редакцию 19 мая 2011 г.

Режабек Евгений Ярославович,

доктор философских наук,

профессор кафедры исторической культурологии

факультета философии и культурологии

Южного федерального университета (Ростов-на-Дону)

e-mail:rejabek@mail.ru

Rezhabek E.

CULTUROLOGICAL KNOWLEDGE – A NECESSARY COMPONENT OF CULTURE

Abstract. The paper examines the history of culturological knowledge (cultural research) from its origin to the present. The author considers this knowledge as the imperative constituent of culture, which also

denotes the relevant model of cultural behaviour in particular historical epochs. The analysis is subjected to revealing successful applications of cultural achievements in certain historical situations.

Key words: culturological knowledge, mythopoetic models of culture, rational models of culture, practical models of culture, spiritual traditions, innovations, disciplinary culturological knowledge

Rezhabek Evgeny Yaroslavovich,

Doctor in Philosophy,

Professor of the Cultural History Department

of the Philosophy and Culturology Faculty,

Southern Federal University (Rostov-on-Don),

e-mail: rejabek@mail.ru